

Бай Шу с малых лет воспитывался у Бай Вэньхана, а потому ни к клану Бай, ни к самому Бай Цзюню не питал ни малейшей привязанности. То, что он игнорировал празднования дня рождения отца, уже давно стало делом привычным. Впрочем, в клане Бай на это смотрели сквозь пальцы — должно быть, просто опасались взрослого Бай Шу. В столице многие знали о семейных дразгах клана Бай, однако дурная слава непочтительных сыновей за Бай Вэньханем и Бай Шу не закрепились.

Все эти годы поместье генерала и клан Бай сосуществовали в относительном покое, хотя обе стороны прекрасно всё понимали.

Поэтому, когда избитый Бай Цзюнем Бай Вэньхань вернулся в генеральское поместье, у Бай Шу в голове всё помутилось от ярости. Он тут же порывался пойти и разнести клан Бай в щепки, но старший брат, несмотря на превосходные боевые навыки младшего, удержал его.

Сам же генерал Бай, столкнувшись с рукоприкладством отца, испытал не столько шок, сколько горькое презрение. Он понятия не имел, какая муха укусила Бай Цзюня, но сам он занимал высокий пост и пользовался доверием императора. Отец, конечно, мог прикрываться сыновним долгом при свидетелях, лишая генерала возможности дать сдачи, но когда слухи об этой безобразной сцене дойдут до дворца, репутация самого Бай Цзюня в глазах государя будет окончательно растоптана.

К тому же Бай Вэньхань слишком хорошо знал буйный нрав младшего брата. Отпусти он его сейчас к отцу — без шумного погрома и кровопролития точно бы не обошлось. А уж тогда праздные зеваки клеймили бы их как самых неблагодарных сыновей во всей Поднебесной.

Генерал давно решил разыграть эту карту перед императором, чтобы выставить себя пострадавшей стороной, а потому не собирался позволять Бай Шу портить игру.

Разумеется, смирить гнев Бай Шу так и не смог. Глубокой ночью он всё же пробрался в отчий дом. Помня наказ брата, он пальцем никого не тронул, но как бы невзначай устроил в кабинете клана Бай весёлый пожар.

Поместье клана Бай из-за этого внезапного возгорания не спало до самого утра.

Бай Шу не стал признаваться брату в ночной вылазке, хотя прекрасно понимал: тот обо всём догадается. Не желая лишний раз расстраивать больного Бай Вэньхана своим виноватым видом и не зная, куда деться, он не придумал ничего лучше, кроме как явиться к Хан Сизню.

И вот теперь, изливая душу единственному другу, он чувствовал, как с плеч постепенно спадает тяжёлый груз.

Выговорившись, Бай Шу заметно повеселел, хотя в голосе его всё ещё скользила редкая для него печаль:

— Я давно смирился с тем, что в этом доме меня терпеть не могут, потому и не попадаюсь им на глаза. Одно не укладывается в голове: с чего вдруг отец ополчился на старшего брата?

Ведь при таком скоплении народа дать отпор значило прослыть бунтовщиком и святотатцем, а смирение гарантировало лишь жестокие побои. Будь на месте генерала сам Бай Шу, он бы и секунды не раздумывал — ответил бы ударом на удар. Но Бай Вэньхань служил при дворе, и на глазах у всей столицы ему приходилось дорожить своей репутацией.

Хан Сизнь выслушал его, помрачнев. На губах его заиграла холодная усмешка:

— Возможно, почтенный господин Бай в последнее время пребывает в дурном расположении духа, и вы с братом просто мозолите ему глаза. Вот он и выместил злость при первом удобном случае. Что ж, давай-ка мы навестим усадьбу клана Бай вместе. Твой брат только вчера перенёс побои, а сегодня у них полыхает пожар. Стоит недоброжелателям пустить слух, и твоего брата мигом обвинят в поджоге и мести.

Бай Шу нахмурился, в его голосе прозвучала угроза:

— Да как они посмеют?

— Дело не в смелости, — негромко вздохнул Хан Сизнь. — Мне чертовски любопытно спросить у господина Бая кое-что другое. Отчего прежде никто не слышал жалоб на неблагодарных сыновей, а стоило генералу спасти меня и Третьего принца, как он тут же превратился в главного нарушителя сыновьего долга?

Намёк был предельно ясен: Хан Сизнь собирался публично обвинить Бай Цзюня в том, что тот недоволен спасением императорского сына и наследника маркиза. Как бы Бай Цзюнь ни оправдывался, в глазах двора и самого государя это обвинение примет крайне зловещий оборот.

Бай Шу смекнул, к чему клонит друг, и оживился, но тут же в замешательстве почесал затылок:

— Но как же твоя рана?

Возможность столь изящно и открыто заступиться за брата радовала его, но здоровье Хан Сизня всё же внушало опасения. Тот даже не взглянул на пострадавшее плечо:

— Всё уже затянулось. Я слишком долго просидел в четырёх стенах, а расследование, порученное императором, так и не сдвинулось с мёртвой точки. Пора бы размяться.

Бай Шу понимающе кивнул. Пусть предлог о государственном расследовании был шит белыми нитками, готовность Хан Сизня без колебаний ринуться ему на помощь согревала душу.

Определённо, они сошлись не зря.

Учитывая деликатность дела, Бай Шу не стал ехать открыто — он следовал за экипажем Хан Сиэня в тени, готовый вмешаться в любой момент.

Новости о том, что молодой наследник впервые за долгое время покинул усадьбу, мгновенно разлетелись по столице, вызвав у многих весьма противоречивые чувства. Не стали исключением и обитатели герцогского поместья Хань. Все эти дни Хан Чжо и старая госпожа Хань ходили буквально на цыпочках, боясь навлечь на себя гнев непредсказуемого юноши. Атмосфера в доме была натянута как струна. Пока Хан Сиэнь безвылазно сидел в своих покоях, им оставалось лишь безропотно терпеть это гнетущее соседство. Старой госпоже порой казалось, что даже садовые птицы за это время позабыли, как щебетать, опасаясь потревожить грозного хозяина.

И вот, когда это стихийное бедствие наконец соизволило отправиться на поиски других жертв, старая госпожа испытала ни с чем не сравнимое облегчение.

Коляска, которой правил верный Ань Цао, плавно катилась по столичным улицам. Хан Сиэнь сидел внутри, прикрыв глаза и безмятежно откинувшись на мягкие подушки.

Когда они подъехали к воротам усадьбы клана Бай, Хан Сиэнь заметил у входа весьма скромный, не бросающийся в глаза экипаж. Слегка отодвинув бамбуковую занавеску и заметив скромный герб на дверце, он с любопытством прищурился.

Стоило привратнику услышать имя незваного гостя, как у него от страха подкосились колени. Слава о жестоких конфискациях, устроенных Хан Сиэнем, гремела повсюду. К счастью, за спиной юноши не маячили суровые гвардейцы, и слуга немного перевёл дух. Он уже приготовился было соврать, что хозяина нет дома, но закончить мысль не успел.

— У меня к господину Баю пара вопросов, — упредил его Хан Сиэнь. — Если почтенного господина сейчас нет, я подожду его внутри. Не может же он вечно бегать от собственного дома?

— Что вы, наследник, как можно! — торопливо заискивающе заулыбался слуга. — Хозяин дома, как раз у себя.

— Вот и славно, — обронил Хан Сиэнь и, не дожидаясь приглашения, шагнул во внутренний двор. По пути он небрежно поинтересовался: — Экипаж у ворот, надо полагать, принадлежит какому-то важному гостю?

Привратник не посмел вилить:

— Всё верно, господин. Это повозка Третьего принца.

К слову сказать, титул у князя Юй имелся солидный, но сам он доселе предпочитал держаться в тени. Лишь недавнее наводнение в Цзяннани да нашумевшее покушение заставили столичную знать вспомнить, что у императора есть столь деятельный сын. Его визит стал для Бай Цзюня полной неожиданностью.

Хан Сиэнь лишь протяжно хмыкнул в ответ.

Когда гостя проводили в парадную залу, он застал там на редкость гнетущую картину. Третий принц Цзи Ло полулежал на принесённой с собой кушетке, вытянув пострадавшую ногу. Его лицо выражало суровую непреклонность, тогда как Бай Цзюнь выглядел одновременно растерянным и раздосадованным.

Появление Хан Сиэня мгновенно разрядило это вязкое молшание. Не дав хозяину дома опомниться и придумать благовидный предлог, юноша устроился на сиденье подле Цзи Ло и с вежливой, но колючей улыбкой уставился на Бай Цзюня:

— Почтенный господин Бай, я прибыл лишь с одним вопросом. Скажите, у вас ко мне какие-то личные счёты?

— Что за странные намёки, наследник? — Бай Цзюнь нахмурился. Несмотря на зрелые годы, он сохранил черты классического благородного мужа — бледная холёная кожа и ухоженная борода выдавали в нём некогда первого столичного красавца.

— А как иначе понимать то, что генерал Бай получил плетей сразу после того, как спас мою жизнь? — невинно поинтересовался Хан Сиэнь.

Лицо хозяина дома исказила глубокая складка гнева, но не успел он вставить и слова, как сидевший рядом Цзи Ло негромко хлопнул в ладоши:

— Вот-вот, и я о том же! Прослышав о случившемся, я сразу подумал: уж не затаил ли почтенный господин Бай на меня обиду? Неужто ему так хотелось, чтобы я пал от рук заговорщиков? Каково же было моё удивление, когда выяснилось, что и у наследника Ханя возникли ровно те же подозрения!

Цзи Ло прекрасно понимал, что этот визит за рамки приличий выходит, да и тон его слишком вызывающ. Однако весть о том, как жестоко обошлись с Бай Вэньханем, уязвила его до глубины души. В груди всё горело от непонятного гнева, и, когда он опомнился, его паланкин уже пересекал порог усадьбы Бай. Раз уж дело сделано, уступать он не собирался. К тому же подвернулся отличный случай разузнать, какие тайны скрывает это благообразное семейство.

Бай Цзюнь понял, что перед ним разыгрывают заранее подготовленный спектакль. Резко поднявшись, он с ледяной напыщенностью произнёс:

— Он мой сын! И если он пренебрегает сыновним долгом, неужели я, его отец, лишён права призвать его к порядку? С каких пор Третий принц и наследник Ханя берутся судить о делах чужого рода? С чего вдруг такое внимание к семейным заботам скромного чиновника?

— Генерал Бай спас мне жизнь, — Цзи Ло опасно прищурился, и в его голосе зазвучали стальные ноты. — И мне чертовски хочется знать, в каком таком преступлении вы его обвиняете. Или, по-вашему, член императорской семьи не имеет права позаботиться о своём спасителе?

Хан Сиэнь лишь тихонько рассмеялся, наблюдая за багровеющим от ярости хозяином усадьбы. Он произнёс вкрадчиво, растягивая слова:

— Полноте вам горячиться, господин Бай. Благодарность за спасение — это лишь полдела. Не забывайте, что на меня возложено императорское поручение расследовать заговор. Поиски убийц зашли в тупик, никаких зацепок в столице не обнаружилось. И вдруг — столь странное происшествие прямо у вас под крышей. Согласитесь, это навевает на определённые мысли.

Бай Цзюнь онемел от такой наглости, его лицо пошло багровыми пятнами:

— Наследник Хань! Вы... вы смеете обвинять меня в сговоре с мятежниками?! У меня нет никаких причин желать зла ни вам, ни Его Высочеству! Ваши речи — чистой воды безумие!

Цзи Ло, приехавший сюда на одном лишь упрямом порыве, даже бровью не повёл, хотя в душе знатно удивился столь лихому повороту, который придал беседе Хан Сиэнь.

Хан Сиэнь невинно захлопал ресницами:

— К чему так волноваться, господин Бай? Я ведь всего лишь высказал предположение.

— Слишком уж опасные у вас предположения, наследник, — раздался от дверей чистый, уверенный голос.

В залу неторопливо вошёл Бай Энь.

Юноша держался с безупречной осанкой, а на лице его читалось благородное негодование любящего сына:

— Мой старший брат спас вас много дней назад. То, что отец, будучи нетрезв на праздновании своего дня рождения, обошёлся с ним излишне сурово — семейная оплошность, не имеющая к тем событиям никакого отношения. Ваше Высочество, господин наследник, являться в чужой дом без единой улики и бросаться столь страшными обвинениями — не слишком ли это низко? Если вы действительно подозреваете нас в измене, предъявите доказательства. В противном случае знайте: сколь бы высоко император ни ценил благоволение к роду Хань, наше семейство

тоже способно за себя постоять!

Речь его звучала веско и убедительно, а праведный гнев казался совершенно искренним. Даже недолголюбивший его Цзи Ло вынужден был признать, что парень держится с поразительным достоинством.

Заметив вошедшего сына, Бай Цзюнь как-то странно переменялся в лице и даже слегка вжал голову в плечи, будто испытывая перед ним робость. Впрочем, он тут же натянуто кашлянул и строго выговорил:

— Разве тебе позволено вступать, когда отец беседует с почтенными гостями? Ступай к себе!

Бай Энъ умолк и поджал губы, приняв глубоко уязвлённый вид.

Хан Сиэнь неторопливо поднялся и направился к юноше. Наблюдая за его приближением, Бай Цзюнь инстинктивно шагнул вперёд, заслоня младшего сына собственной спиной.

Хан Сиэнь удивлённо приподнял бровь:

— Полноте, я лишь хотел принести свои извинения и вам, и молодому господину.

— Извинения? — вырвалось у Бай Цзюня.

Присутствующие опешили. И Цзи Ло, и притаившийся за спиной отца Бай Энъ уставились на Хан Сиэня с нескрываемым подозрением. В столице всякий знал, что грозный наследник Ханя искусен лишь в разорении чужих гнёзд и раздаче тумачов. Услышать от него раскаяние было зрелищем куда более пугающим, чем прямая угроза.

Между тем Хан Сиэнь продолжал с самым благожелательным видом:

— Речи молодого господина Бая открыли мне глаза. Признаю, тревога за судьбу нашего спасителя сделала нас излишне нетерпеливыми и резкими. Раз уж мы допустили бестактность, долг приличия велит извиниться.

Бай Энъ осторожно выглянул из-за отцовского плеча. Поняв, что Хан Сиэнь говорит без тени иронии, он изрядно озадачился.

Цзи Ло тоже не до конца понимал, какую ловушку готовит его спутник, но послушно подыграл ему. Кашлянув, он буркнул:

— Генерал Бай пролил за меня кровь. Весть о том, что его подвергли столь суровой каре,

лишила меня покоя. Надеюсь, господин Бай не затаит на нас обиды за эту вспыльчивость.

Поскольку раздувать конфликт с членами правящей династии в планы Бай Цзюня не входило, он поспешил ухватиться за спасительную соломинку:

— Полноте, Ваше Высочество. Моя вина — не сумел вовремя разъяснить домашние неурядицы, оттого и вышло досадное недоразумение.

Хан Сиэнь согласно качнул головой, а затем сочувственно вздохнул:

— И всё же, господин Бай, вы обошлись с ним несправедливо. Пусть генерал Бай и военный человек, но он командует армией и пользуется личным покровительством Его Величества. Даже если во хмелю вам показалось, будто сын нарушил сыновний долг, следовало проявить уважение к государю. В конце концов, воля монарха превыше всего, а чин генерала Бая превосходит ваш собственный. Он — опора престола.

Лицо Бай Цзюня сделалось серым от досады. Вот оно что! Теперь стало ясно, к чему вела эта притворная мягкость. Стиснув зубы, он процедил:

— Это сугубо внутренние дела моей семьи. И если государь сочтёт нужным выразить недовольство, я сам отвечу перед ним. Избавьте меня от ваших забот, наследник.

— Моё дело — предостеречь, — равнодушно отозвался Хан Сиэнь. — А прислушиваться к советам или нет, воля ваша. Позвольте откланяться.

Развернувшись, он направился к выходу. Цзи Ло поспешил последовать его примеру. Из-за покалеченной ноги слугам пришлось укладывать его на носилки, чтобы вынести из дома. С трудом сдерживая раздражение, Бай Цзюнь и его младший сын потащились следом, провожая незваных гостей до самых ворот.

У самого выхода Цзи Ло краем глаза уловил какое-то движение в глубине боковой галереи. Обернувшись, он заметил женский силуэт. Дама благородного вида стояла в окружении нескольких миловидных служанок. Заметив внимание принца, она на мгновение замерла, словно собираясь склониться в приветствии, но тут же передумала и осталась неподвижной.

Заметив их интерес, Бай Цзюнь поспешил заслонить обзор:

— Это моя супруга, госпожа Ван. Она от природы чрезвычайно робка, да и слабое здоровье не позволяет ей часто бывать на людях. Прошу великодушно простить её за невольную бестактность.

— Вот как, госпожа Ван, — протянул Хан Сиэнь. — Супруга господина Бая держится с завидным величием. Если её одолевает недуг, лёгкие прогулки на свежем воздухе пошли бы ей

лишь на пользу.

Каждому в столице было известно скромное происхождение госпожи Ван, и этот совет звучал как изощрённое издевательство. В глазах Бай Эня вспыхнула ярость, однако Бай Цзюнь предпочёл промолчать, лишь нетерпеливым жестом указав гостям на выход. Желание поскорее избавиться от этих двоих читалось в каждом его движении.

Не желая более испытывать чужое терпение, Хан Сизнь беспрепятственно покинул усадьбу в сопровождении принца. Их пути лежали в разные стороны, а потому у самых ворот дома Бай они сухо распрощались.

Едва занавески экипажа сомкнулись, всё напускное дружелюбие слетело с лица Цзи Ло. Он помрачнел, его пальцы привычно поглаживали висевший на поясе нефритовый подвес. Мысли его раз за разом возвращались к загадочной супруге Бай Цзюня.

Одно замечание Хан Сизня попало не в бровь, а в глаз: госпожа Ван держалась на удивление гордо и благородно. С её статью и величавостью она едва ли походила на женщину, готовую на любые унижения ради места наложницы в чужом доме. К тому же её мимолётное появление казалось слишком уж выверенным — словно она намеренно дожидалась именно этого мгновения.

Цзи Ло готов был заложить собственную голову: эта женщина вовсе не страдала от хвори — она попросту не желала показываться на глаза свету.

Да и сам Бай Цзюнь... Раньше, издали, это не так бросалось в глаза, но теперь, рассмотрев их семейство вблизи, принц подметил удивительную странность. Отношение Бай Цзюня к младшему сыну, Бай Эню, было донельзя нелепым: в нём сквозила не столько отцовская строгость, сколько затаённый страх верного слуги перед господином.

<http://bllate.org/book/20088/2002043>